

Научная статья

УДК 94(47).083+94(430).084+94(510).08+327.2; DOI: 10.61260/2074-1618-2023-4-66-80

ОСВОЕНИЕ КИТАЙСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ В КОНЦЕ XIX в.: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Кузнецова Наталья Валерьевна.

**Московский городской педагогический университет, Институт гуманитарных наук,
Москва, Россия**

nwkusnetsova@yandex.ru

Аннотация. Сопоставляются китайско-германский договор об уступке Цзяо-Чжоу (1898 г.) и китайско-российская конвенция об аренде Порт-Артура и Дальнего (1898 г.), анализируются планы России и Германии в отношении освоения китайских территорий, рассматривается динамика решений в этом направлении, предварительные договоренности с Цинской империей. Актуальность связана с необходимостью детализировать имперское прошлое держав, уточнить, как каждая империя подходила к процессу освоения территории другого государства. Выбранный ракурс позволил обратить внимание не только на сходства внешней политики России и Германии по отношению к Цинской империи, но и выявить существенные отличия. Россия и Германия заключили с Цинской империей соглашения об аренде, которые значительно отличались рядом условий. Согласно китайско-российской конвенции, верховные права на владение территорией оставались у цинского государства; срок аренды составлял 25 лет; пункт о железнодорожном строительстве расширял сферу действия уже предоставленной концессии. В китайско-германском договоре были зафиксированы передача верховных прав кайзеровскому государству, срок аренды 99 лет, договоренность о строительстве железнодорожных линий, которые выходили далеко за пределы арендованной территории. Обе державы заняли цинские владения до заключения соглашений, но шли к законодательному оформлению разными путями.

Ключевые слова: Россия, Германия, Цинская империя, международный договор, аренда территории, Цзяо-Чжоу, Порт-Артур, Дальний, конец XIX в.

Для цитирования: Кузнецова Н.В. Освоение китайских территорий Россией и Германией в конце XIX в.: сходства и различия // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2023. № 4 (61). С. 66–80. DOI: 10.61260/2074-1618-2023-4-66-80.

Scientific article

RUSSIAN AND GERMAN ACTIVITIES IN RELATION TO THE CHINESE TERRITORIES AT THE END OF THE XIX CENTURY: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

Kuznetsova Natalia V.

Moscow city pedagogical university, Institute of humanities, Moscow, Russia

nwkusnetsova@yandex.ru

Abstract. The paper focuses on comparison of the Sino-German treaty respecting the lease of Kiao-Chau (1898) and the Sino-Russian convention for lease of Port Arthur and Talienwan (1898), on an analysis of Russian and German plans in relation to Chinese territories, on considering the dynamics of solutions in this direction, preliminary agreements with the Qing Empire. The topicality stems from the need to detail the imperial past of the powers, to clarify how each empire approached the process of mastering the territory of the other state. The chosen angle allowed to draw attention not only to the similarities between the foreign policies of Russia and Germany in relation to the Qing Empire, but also to identify significant differences. The study was based on the methods of source analysis, comparative analysis. Russia and Germany concluded lease agreements with the Qing Empire, which differed significantly in a number of terms. According to Sino-Russian convention, supreme rights to the territory remained with the Qing state; the lease term was 25 years; the clause about railway construction widened the scope of the concession already granted. In the Sino-German treaty the transfer of supreme rights to the kaiser state, the lease term

of 99 years, and an agreement to build railway lines that extended well beyond the leased territory were all recorded. Both powers had occupied the Qing domains before the agreements were concluded, but they went about legislating in different ways.

Keywords: Russia, Germany, Qing Empire, international treaty, lease of territory, Kiao-Chau, Port Arthur, Talienwan, late XIX century

For citation: Kuznetsova N.V. Russian and German activities in relation to the Chinese territories at the end of the XIXth century: similarities and differences // Psychological and pedagogical safety problems of human and society. 2023. № 4 (61). P. 66–80. DOI: 10.61260/2074-1618-2023-4-66-80.

Введение

В марте 1898 г. с разницей в несколько дней Цинская империя заключила с Германией договор об уступке Цзяо-Чжоу, а с Россией – конвенцию об аренде Порт-Артура и Дальнего [1–3]. Документы стали правовыми основами для начала освоения китайских территорий Германской империей и продолжения экспансии Россией [4]. Заключению этих соглашений предшествовала работа дипломатов, министров, глав правительства, которые учитывали международную обстановку и конкретные события, способные помочь в реализации планов государственного уровня, возможную реакцию других держав на свои действия.

Цель работы – сопоставить китайско-германское и китайско-российское соглашения, также планы держав в отношении освоения китайских территорий, раскрыть динамику решений в этом направлении и предварительные договоренности с империей Цин. Такое сопоставление поможет выявить отличия внешней политики России и Германии по отношению к государству, ослабленному опиумными войнами и внутренними противоречиями, и сходства в позициях двух держав. Несмотря на значительное количество работ об арендованных Россией территориях Порт-Артура и Дальнего, о германском протекторате Цзяо-Чжоу [5–12], подобный ракурс исследования не был выявлен.

Актуальность темы обусловлена необходимостью детализации имперского прошлого держав и уточнения конструирования ими процесса освоения территорий других государств в конце XIX в. При отсутствии такого подхода в обществе может усилиться тенденция, которая впервые проявила себя на Западе после деколонизации XX в., когда при разоблачении «зла империализма» сама репрезентация колониального прошлого постепенно стала предаваться забвению, что вылилось, в частности, в переносе памятников достойным деятелям той эпохи в малоизвестные места, в нападении на монументы, их разрушении [13]. В свою очередь, эта общественная тенденция способна повлиять на восприятие исторических событий и материала, сформулировать ложное представление о существовании неких общих принципов (без существенных отличий), которыми руководствовались державы при освоении территорий других государств.

Ход и результаты исследования

Согласно договору с Российской империей, Цинский император предоставлял русскому правительству в арендное пользование порты Люйшунькоу (Порт-Артур) и Даляньвань, а также и прилегающее к ним водное пространство, сохраняя при этом свои верховные права на эти территории. Цель международного соглашения определялась в первых строках основной части – это обеспечение «вполне надежной опоры» на северном побережье Цинской империи для российских военно-морских сил. Передача территорий осуществлялась на 25 лет, при этом было указано на возможность продолжения срока аренды в случае достижения соответствующего соглашения между правительствами. Документ оговаривал заключение отдельного протокола по вопросу точной демаркационной линии и определял, что после ее установления территория переходит «в полное и исключительное пользование» российского правительства вместе с прилегающим водным

пространством. На момент заключения конвенции стороны договорились об условной границе арендуемой площади, которая пройдет к северу от бухты Даляньвань на расстоянии, требуемом «для должной обороны» территории со стороны суши [3, с. 78].

Заключенный Германской и Цинской империями договор об уступке Цзяо-Чжоу отличается от конвенции об аренде Порт-Артура и Дальнего иным решением вопроса о верховных правах на получаемую территорию. В ст. III этого документа объявляется: «Во избежание недоразумений, императорское китайское правительство в продолжение срока аренды не будет пользоваться верховными правами в арендуемой Германией территории, предоставляя пользование сими правами Германии...» [1, с. 327 (2-я паг.)]. Далее определялись примерные границы, и оговаривалось право сторон на более точное их установление.

Хотя в документе упоминаются «высокие договаривающиеся стороны» [1, с. 327 (2-я паг.)], уже по его первым строкам видно, что китайское государство при заключении данного соглашения поставлено в подчиненное по отношению к Германской империи положение: «По состоявшему ныне улажении инцидента с миссией в Цао-чжоу-фу в провинции Шаньдун, императорское китайское правительство считает своим долгом доказать на деле свою искреннюю признательность за дружбу, оказанную ему до сих пор Германией» [1, с. 325 (2-я паг.)]. И это стремление далее определяется как основание заключения сторонами соглашения об уступке Цзяо-Чжоу. В качестве других причин в преамбуле также называются нацеленность на укрепление дружественных уз, широкое развитие хозяйственного и торгового взаимодействия подданных.

Ст. I определяла, что Цинская империя устанавливала вокруг бухты Цзяо-Чжоу зону протяженностью 50 км, где сохранялся суверенитет государства. Однако китайская сторона заявляла, что не будет предпринимать на этой территории никаких действий без предварительного соглашения с правительством Германии, и оставляла за собой право, с согласия германской стороны, «держат в этой полосе войска, равно предпринимать другие военные меры». Германская империя получила право на свободный проход своих войск по этой территории, а также на регулирование водных путей. Целью создания подобной зоны стало снова стремление упрочить дружественные отношения, а также желание империи Цин усилить свою боевую готовность с помощью Германии [1, с. 325–326 (2-я паг.)].

Срок арендного пользования – 99 лет – определяла ст. II договора. Причем об этом снова, как в преамбуле, сообщалось в стиле, демонстрирующем подчиненное положение китайского государства. Согласно документу, цинский император предоставлял территорию по обе стороны входа в бухту, так как намеривался «...исполнить справедливое желание Его Величества императора германского, чтобы Германия, подобно другим державам, имела на китайском побережье место для починки и снаряжения судов, для складов под материалы и припасы для последних, равно для прочих необходимых для этой цели приспособлений...» [1, с. 326 (2-я паг.)].

Согласно международному праву того времени, «Территория есть пространство земли и воды, подчиняющееся исключительно верховной власти государства. Государственная власть в отношении территории есть территориальная власть: она обнаруживается в верховном господстве над определенной территорией и над всем, что на ней находится» [14, с. 348 (2-я паг.)]. Потеря верховных прав на Цзяо-Чжоу, соответственно, означала потерю государственной власти Цинской империи в границах, оговоренных договором. С учетом того, что государственные территориальные владения, «где бы они ни находились, рассматриваются в международном праве как одно нераздельное целое под одной верховной властью» [14, с. 349 (2-я паг.)], можно говорить и о том, что германско-китайское соглашение нарушило целостность империи.

Современник событий Ф. Мартенс в четвертом издании своей знаменитой работы о международном праве, посвящая Цзяо-Чжоу всего один абзац, писал: «На основании трактата, заключенного между Германией и Китаем, последний уступил первой эту бухту с окрестностями в аренду и в полное управление на 99 лет» [14, с. 369 (2-я паг.)]. Ученый

относил это соглашение, как и Кипрскую конвенцию 1878 г. [15], к документам, обуславливающим случаи прибавления владений согласно особым трактатам. Однако, если в британско-турецком соглашении зафиксировано, что султан соглашался, чтобы Великобритания заняла остров Кипр и управляла им¹, то в германско-китайском договоре об уступке шла речь о передаче верховных или суверенных прав², а не только о реализации управленческих функций. Как отмечал в своей докторской диссертации 1909 г. М. Кламка, Германия, согласно договору, могла действовать «как политический субъект, осуществляющий суверенные права» [7, р. 24].

Российско-китайская конвенция, как и германско-китайский договор, оговаривала создание нейтральной зоны, где сохранялось гражданское управление китайского государства. Цинские войска могли входить в ее пределы только при согласии российских властей. Нейтральная зона устанавливалась к северу от арендуемой Российской империей территории (ст.ст. IV, V). На установленный срок арендного пользования Российской империи предоставлялось право на организацию высшего гражданского управления. Однако наделенному властными полномочиями лицу запрещалось присваивать звания губернатора, генерал-губернатора. Командование сухопутными, морскими силами закреплялось за Россией, причем документ устанавливал запрет на допуск военно-сухопутных сил империи Цин на арендуемую территорию [3, с. 78–80].

Конвенция об аренде Порт-Артура и Дальнего ссылалась на дарованную обществу Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в 1896 г. концессию, а также подтверждала согласие цинского правительства распространить ее на две дополнительные железнодорожные ветки. Указывалось на необходимость применения всех постановлений контракта 1896 г.³ в отношении этих линий, примерно оговаривалось их направление, определялось, кто будет устанавливать пункты и точное направление новых железнодорожных веток. В ст. VIII подчеркивалось: «Согласие на постройку железной дороги на изложенных выше основаниях, никогда и ни под каким видом не должно служить предлогом для захвата китайской территории или для посягательств на верховные права Китая» [3, с. 80], то есть в российско-китайском документе дважды оговаривалось: верховные права на арендованную территорию остаются у империи Цин.

Договоренность о железнодорожном строительстве на арендованной территории – значимый пункт, который отличает оба договора. В российско-китайском документе шла речь о строительстве южной ветви КВЖД от одной из станций магистральной линии до Даляньваня⁴, «а также, если в том окажется необходимость, от той же магистральной линии до другого более удобного пункта на побережье Ляодунского полуострова между городом Инцзы и устьем реки Ялу» [3, с. 79]. Планировалось прокладывание путей по арендованным владениям, а в районе нейтральной полосы и по китайской территории – строго в оговоренных пределах: от магистральной линии, строительство которой регламентировалось предыдущими соглашениями, в направлении залива.

В германско-китайском договоре часть, связанная с железнодорожным строительством, не была опубликована германским правительством. Датированный 6 марта 1898 г. документ был доведен до сведения международной общественности в объеме пяти статей: в таком виде текст был опубликован в Германии и исследовался, в частности, ученым того времени. Так, М. Кламка в 1909 г. анализировал только эти статьи договора, приводя в конце работы текст документа [7]. Однако уже в 1904 г. в Вашингтоне вышел в свет сборник «Договоры и конвенции с Китаем и Кореей, 1894–1904, вместе с различными государственными документами и документами, затрагивающими иностранные интересы» [16], где был опубликован более объемный текст

¹ «...the Sultan further consents to assign the Island of Cyprus to be occupied and administered by England» [15].

² «...die Kaiserlich Chinesische Regierung während der Pachtdauer im verpachteten Gebiete Hoheitsrechte nicht ausüben, sondern überlässt die Ausübung derselben an Deutschland» [2, с. 327].

³ Контракт был заключен цинским правительством с Русско-китайским банком 27 августа 1896 г.

⁴ В результате – от Харбина до Порт-Артура, через Мукден.

соглашения об уступке Цзяо-Чжоу [17]⁵. Здесь пять статей договора составляют первый раздел, приводятся также второй и третий разделы с примечанием: «Следующие части германо-китайского соглашения от 6 марта 1898 г. никогда не были обнародованы германским правительством, но были переданы в частном порядке заинтересованным в развитии протектората лицам... Приведенный здесь текст этих частей основан на неофициальных публикациях, но, как полагают, является в основном правильным» [16, р. 47].

Эти части соглашения состояли из четырех статей, где регламентировались железнодорожные и промышленные дела. Китайская сторона давала германской санкцию на строительство двух железных дорог в Шаньдунской провинции [16, р. 47–48]. Обе линии планировали провести от Цзяо-Чжоу: первую – до Цзинаня через Пошань⁶, вторую – до Ичжоуфу, а оттуда – также до Цинаня⁷. Таким образом, Германия приобретала право на строительство железных дорог, которые практически охватывали провинцию Шаньдун, выходили далеко за рамки арендованной территории. В частности, права суверенитета империи Цин оставались на пространстве 50 км от бухты, а протяженность первой железнодорожной линии составляла около 400 км.

В отношении местного населения российско-китайский и германско-китайский договоры устанавливали, на первый взгляд, схожие нормы: в обоих документах жителям арендуемых территорий разрешалось переселиться или остаться. В конвенции о Порт-Артуре и Дальнем уточнялось, что российские власти не будут препятствовать выбору, но в случае совершения преступления передадут виновного цинским властям для суда и наказания [3, с. 80]. В договоре об уступке Цзяо-Чжоу сделан иной акцент. Проживающему на арендованной территории населению гарантировалась защита Германской империей. При этом уточнялось, что цинским подданным разрешалось «...оставаться на прежних местах, за исключением тех участков, которые понадобятся для других целей» [1, с. 329 (2-я паг.)]. В случае отчуждения земли у китайских собственников для них предусматривалось вознаграждение. Подобные ограничения иллюстрируют реализацию одного из верховных прав государства – не владеть частным имуществом, но распоряжаться им в случае необходимости.

Обратим также внимание на секретную часть договора о Цзяо-Чжоу, где, кроме железнодорожного строительства, также шла речь об образовании китайско-германской компании для осуществления железнодорожного строительства, правах этой компании и о дальнейших соглашениях касательно железных дорог. Подданные Германской империи наделялись правом владеть горнодобывающим имуществом, развивать его на территории по обеим сторонам этих путей⁸. Империя Цин в лице своего правительства обязывалась защищать представителей Германской железнодорожной компании, которые станут работать на территории Китая, также предлагать, в случае необходимости, в пределах провинции Шаньдун, помощь людьми, капиталом, материалами, в первую очередь немецким промышленникам и купцам. Германская империя подтверждала, что, открывая железнодорожную систему в провинции Шаньдун, она не имеет «никаких вероломных намерений в отношении Китая и обязуется не захватывать незаконно какие-либо земли в провинции» [16, р. 48]. Аналогичная оговорка делалась по поводу горнодобывающих работ: «Пытаясь развивать горнодобывающую промышленность в Китае, Германия не руководствуется вероломными мотивами против этой страны, а стремится только к увеличению торговли и улучшению отношений между двумя странами» [16, р. 49].

⁵ На русском языке Договор об уступке Цзяо-Чжоу в таком виде был опубликован в 1927 г.

⁶ Железная дорога Циндао-Цзинань или железная дорога Цзяодзи.

⁷ Вторая ветка была построена не полностью, а обе линии были соединены полностью при англо-германском строительстве.

⁸ Делалась оговорка о расстоянии 30 ли, но право владеть горнодобывающим имуществом распространялось на всем протяжении железнодорожных путей.

Как Россия, так и Германия брали на себя обязанности по обеспечению безопасности арендуемых территорий. Российская империя оговаривала установку за собственный счет маяков, иных предупреждающих знаков, а также возведение всех необходимых для флота и сухопутных сил сооружений и принятие необходимых мер «для действительной обороны обозначенной местности от неприятельского нападения» [3, с. 79]. Защитные сооружения на получаемой в аренду территории обязывалось установить также кайзеровское государство [1, с. 326–328 (2-я pag.)].

Еще с 1895 г. Германия стремилась получить опорный пункт в китайских водах, и это было очевидно для российских властей, но конкретные сведения о месте планируемого устройства германского порта не были известны, они даже не просачивались в прессу. В качестве вариантов рассматривались китайский прибрежный город Амой, расположенный против Формозы, а также Вей-хай-Вей. Постепенно германское правительство сконцентрировало свое внимание на бухте Цзяо-Чжоу в провинции Шаньдун [18, с. 28; 19, с. 27; 20, с. 29]. При этом германский посланник в Пекине Э.Ф.Г. фон Гейкинг безуспешно пытался вести переговоры как в Цзунли ямэне⁹, так и лично с Ли Хунчжаном, фактически руководившим внешней политикой империи Цин, о получении бухты для обустройства постоянной угольной станции для портовых сооружений, для безопасной стоянки германской Тихоокеанской эскадры, а также по иным вопросам [21, с. 30].

В связи с этим Вильгельм II моментально воспользовался совершенным в провинции Шаньдун 4 ноября 1897 г. нападением на представителей немецкой католической миссии, указав 6 ноября Министерству иностранных дел на необходимость энергичного вмешательства флота для «плодотворного возмездия»: «Эскадра должна немедленно отправиться в Киао-Чао, занять расположенный там китайский населенный пункт и пригрозить самыми тяжелыми ответными мерами, если китайское правительство не осуществит высокую компенсацию за убытки, способные измерить деньгами, а также, если преступник, действительно, не будет привлечен к ответственности и наказан» [22, с. 67].

В Пекин были направлены указания сфокусироваться на резких требованиях сатисфакции, причем одновременно и по поводу случившегося ранее инцидента в Учане¹⁰. Рейхсканцлер Гогенлоэ пытался отговорить Вильгельма II от немедленных действий в Цзяо-Чжоу, ссылаясь на его соглашение с российским императором касательно этой бухты¹¹ [23], и предлагал рассмотреть вопрос о другом порте, хотя признавал, что оккупация Киао-Чао предпочтительней с учетом интересов государства [24, р. 68].

Уверенность кайзера в отсутствии сопротивления своим планам со стороны России была поколеблена. Он лично осведомился у российского императора о его отношении к прибытию немецкой эскадры в Цзяо-Чжоу и получил ответ об отсутствии как одобрения, так и осуждения со стороны Николая II, а также подтверждение существования временного права России на бухту в 1895–1896 гг. [25, р. 69]. Однако вскоре Вильгельм II узнал о планах российских властей отправить в Цзяо-Чжоу эскадру с целью подтверждения права первенства стоянки в этих водах [26, 27]. Российский министр иностранных дел

⁹Цзунли ямэнь – институт правительства империи Цин (1644–1912 гг.), выполнявший функции министерства иностранных дел.

¹⁰ 30 октября того же года толпа китайцев забросала камнями командира канонерской лодки «Корморан», а также нескольких офицеров, которые стояли рядом, и экипаж шедшего под флагом корабля, который высадил офицеров на берег. См.: примечание* к работе [22, р. 68].

¹¹ Гогенлоэ здесь ссылается на так называемое Петергофское соглашение, суть которого отображена, в частности, в записке германского посольства в Петербурге (4) 16 сентября 1897 г.: «В соответствии с переговорами, которые имели место в Петергофе во время пребывания его величества императора и короля, императорское правительство намерено было потребовать от китайского правительства, чтобы германские суда имели право, в случае необходимости, войти временно, в течение ближайшей зимы, в порт Киао-Чао. Командирам германских судов будет предписано в необходимых случаях предварительно согласовать свои действия с русским главноначальствующим в этом порту» [23, с. 34].

М.Н. Муравьев, разъясняя свою позицию, указал на то, что Цзяо-Чжоу считается империей Цин закрытым портом и сослался на сентябрьскую записку германского посольства в Петербурге, также августовское письмо Гогенлоэ. Согласно обоим документам, возможный вход кораблей Германии в эту бухту следует согласовывать с российскими морскими властями [28, с. 41]. Через несколько дней Муравьев телеграфировал послу в Берлине о позиции Николая II: «Император чрезвычайно удивлен толкованием, данным [в] личной и нешифрованной телеграмме, которую его величество адресовал императору Вильгельму. На взгляд нашего августейшего государя эта телеграмма ни в чем не изменила положение, и его величество совершенно не думал заявлять о своей незаинтересованности в Киао-Чао, констатируя лишь факт, что на основании заявлений китайского правительства мы должны считать этот порт в настоящее время закрытым для иностранных эскадр» [29, с. 45–46].

Отметим, Российские власти, высказывая Германии сомнения по поводу их планов занятия населенного пункта в Цзяо-Чжоу, руководствовались не только правом первой стоянки в бухте, но и союзническими отношениями с империей Цин. Хотя в первой статье российско-китайского договора от 22 мая 1896 г. была зафиксирована договоренность сторон о поддержке всеми сухопутными и морскими силами только в случае нападения Японии [4, с. 73], после высадки германского десанта в Цзяо-Чжоу Ли Хунчжан обратился за помощью к России. При встрече с поверенным в делах в Пекине А.И. Павловым он ознакомил российского дипломата с полученной Цзунли ямэнем телеграммой о входе германских кораблей в бухту 2 ноября, о высадке десанта, разрушении телеграфной линии, отступлении китайского отряда. Павлов подчеркивал: «Китайцы крайне поражены, встревожены. Ли Хун-чан от имени китайского правительства убедительно просит помочь советом, поддержать, чтобы не допустить германцев силой завладеть портом» [30, с. 46].

15 ноября в Берлине под председательством Вильгельма II состоялось совещание, в котором приняли участие рейхсканцлер Гогенлоэ, командующий имперским флотом адмирал Э. Кнорр, статс-секретарь управления военно-морского флота А. Тирпиц, глава имперского военно-морского кабинета адмирал Г. Зенден-Бибран, генерал-адъютант Г. Плессен, заместитель статс-секретаря министерства иностранных дел Ротенхан. На совещании кайзер заявил, что Цзяо-Чжоу не представляет интереса для России, с которой, как он верит, войны не будет. На совещании было принято решение выяснить, не будут ли европейские державы, особенно Российская империя, против, если Германия станет постоянно владеть бухтой, причем этот проект, до прояснения политической ситуации в Европе, планировали оставить секретным [31, р. 85–86]. В отношении взаимодействия с империей Цин на совещании решили: «Чтобы не допустить войны Китая с нами (формальной или латентной), возможно, при оккупации следует соблюдать суверенные права Китая, может быть, в результате, мы землю Китая возьмем только в долгосрочную аренду» [31, р. 86]. При этом постановили: требования к империи Цин «...установить настолько высоко, что они не могли быть выполнены, и поэтому смогли оправдать дальнейшую оккупацию» [31, р. 86].

Требования были представлены в Цзунли ямэне 20 ноября. В части пунктов было указано на необходимость привлечения к ответственности лиц, причастных к инциденту в провинции Шаньдун: Германия настаивала на отстранении губернатора от должности и службы, задержании всех виновных, их строгом наказании, а также денежном вознаграждении за убитых, их имущество; в категорической форме требовала от империи Цин впредь предпринимать действенные меры, способные обеспечить миссионерам безопасность и покровительство со стороны властей. В другие пункты были включены желаемые для Германии преференции: вознаграждение за причиненные оккупацией Цзяо-Чжоу издержки, завершение строительства на средства цинского правительства католического храма в Цзинане¹², а также предоставление исключительных преимуществ на территории провинции по сооружению железных дорог и разработке рудников [32, с. 48].

¹² Город в провинции Шаньдун.

На следующий день Гейкинг докладывал в министерство иностранных дел, что князь Гун¹³ не увидел в требованиях Германии ничего такого, о чем империя Цин не могла бы договориться мирным путем, однако глава Цзунли ямэня настаивал, что до этого германской стороне следует прекратить оккупацию китайской территории, подчеркнув, что только в этом случае можно будет вести переговоры и об уступке станции для флота. Гейкинг подчеркивал, что о снятии оккупации он договориться не может, так как китайское правительство признало продолжающиеся дружественные отношения с Германией, добровольно отведя войска, то есть насилия над Китаем не произошло [33, р. 98–99].

Гогелоз предложил в мягкой форме отклонить возмутительную, по его словам, просьбу о снятии оккупации: «Мы не хотим сомневаться в волеизъявлении центрального китайского правительства касательно удовлетворений наших требований. Но наш опыт научил нас, что китайское центральное правительство не всегда может заставить провинциальные власти выполнять подобные предписания. Поэтому мы предпочитаем сами следить за исполнением соответствующих приказов, поэтому останемся в Киау-Чоу до дальнейшего уведомления». Кайзер согласился с этим предложением [34, р. 100].

На следующий день Гейкинг докладывал, что Цзунли ямэнь продолжает настаивать на выводе не только немецких войск, но и кораблей, и спрашивал, может ли он объявить цинским чиновникам, что занятая территория останется в качестве залога до исполнения требований, и что здесь будет создана провинциальная администрация [35, р. 102].

В начале декабря состоялся разговор немецкого посланника в Пекине с цинскими чиновниками, во время которого китайская сторона высказала согласие на оккупацию вплоть до выполнения требований. Представители империи Цин также поинтересовались, будет ли она снята после этого, предложив Германии оставить тогда Цзяо-Чжоу и занять другой порт на юге [36, р. 110]. 12 декабря статс-секретарь министерства иностранных дел Б. Бюлов отправил Гейкингу проект договора, в котором в том числе шла речь об уступке территории, причем с передачей суверенных прав германскому правителю; в сопровождающей телеграмме оговаривалось, что пункт об уступке следует включить в проект наряду с остальными договоренностями [37, р. 115].

Россия перестала высказывать сомнения в праве Германии занять Цзяо-Чжоу только к началу декабря 1897 г. [38, р. 106]. Изменение позиции российских властей было обусловлено поисками собственных решений в вопросе получения незамерзающего порта и иных преференций от своего союзника. Министр иностранных дел Муравьев во всеподданнейшей записке от (11) 23 ноября 1897 г. после анализа событий, связанных с Цзяо-Чжоу, начиная с 1895 г., отмечал, что отправка российской эскадры в Цзяо-Чжоу не состоится, указав на отрицательное мнение по этому вопросу управляющего Морским министерством. В сообщении П.П. Тыртова бухта называлась непригодной для устройства российского порта по причине как отдаленности от Владивостока, так и отрезанности от России [39, с. 61].

Указывая на бесплодность и бесцельность дальнейших притязаний на Цзяо-Чжоу, Муравьев останавливается на неудобстве порта Фузан из-за близкого соприкосновения с военно-морской сферой влияния Японии и планов японских концессионеров по строительству железной дороги от Сеула до Фузана и, напротив, подчеркивает преимущества залива Даляньвань, бухты которого никогда не замерзают, а сама территория находится на менее отдаленном расстоянии от Сибирской магистрали по сравнению с корейскими портами [39, с. 62–63].

По мнению Муравьева, учитывая события в провинции Шаньдун, следует «...приступить, не теряя времени, к занятию судами нашей эскадры, если таковые ныне представляют из себя внушительную силу, достаточную как для достижения намеченной цели, так и для предотвращения могущих возникнуть осложнений, Даляньвань» [39, с. 63]. Кроме преимуществ, связанных с расположением залива, его бухтами, министр ссылаясь

¹³ Айсиньгьоро Исинь, великий князь Гун, учредил и возглавил Цзунли ямэнь

на то, что китайское правительство до сих пор не решило положительно ряд значимых для России вопросов, имеющих отношение к железнодорожному строительству, выработке правил судоходства, инструкторскому делу, и предлагал объяснить Пекину занятие Даляньваня «...желанием нашим иметь твердую опору для нашей эскадры на случай возникновения в Тихом океане дальнейших неблагоприятных для Китая событий» [39, с. 64].

Всеподданнейшая записка рассматривалась на особом совещании под председательством императора, в котором приняли участие министры иностранных дел М.Н. Муравьев, финансов С.Ю. Витте, военный П.С. Ванновский, управляющий морским министерством П.П. Тыртов [40]. Против позиции Муравьева выступал в первую очередь Витте, указывая на невозможность осуществлять захваты китайских территорий после заключения союзного договора и предоставления концессии на соединение Сибирской дороги через Маньчжурию с Владивостоком [40, с. 68]. Хотя империи необходимо иметь на Дальнем Востоке выход в Тихий океан, этого следует «достигнуть дружеским соглашением, а не насилем» [40, с. 70]. Военный министр согласился, что Порт-Артур удобен для российского флота, и упускать случай не стоит, а Тыртов сказал, что корейские порты лучше удовлетворяют нуждам морского министерства [40, с. 69–70]. Выслушав все мнения, император решил не занимать Порт-Артур и Даляньвань, но сконцентрироваться на усилении флота на Востоке [40, с. 71].

Однако менее чем через неделю после совещания Павлов сообщил из Пекина о расположении британской эскадры в полном составе в Чифу, нацеленной на выдвижение к Порт-Артуру [41]. Российский поверенный в делах докладывал Муравьеву: «Английский адмирал с частью эскадры находится в Киао-Чао. Одно английское судно ходило в Порт-Артур, заявило начальнику гарнизона, что послано убедиться, не занят ли Порт Артур русскими, затем вернулось в Чифу» [42]. Министр иностранных дел отправил Павлову указание сообщить цинскому правительству о немедленном выступлении отряда российских судов из Нагасаки в Порт-Артур, ссылаясь на согласие китайцев допустить корабли империи в неоткрытые порты [43], то есть на пункт российско-китайского договора 1896 г. [4, с. 73–74]. Был отправлен отряд из крейсеров и канонерских лодок под руководством контр-адмирала М.А. Реунова [43], который получил от командующего Тихоокеанской эскадрой Ф.В. Дубасова инструкцию по прибытию в Порт-Артур сразу связаться с местными властями, объявить о праве пользоваться не открытыми для других иностранцев китайскими портами на основании заключенного между российскими и цинскими властями соглашения, а также сообщить, что пришли воспользоваться данным правом – произвести некоторые работы при помощи арсенала [44]. Ли Хунчжан, получивший от Павлова сведения об отправке российского отряда, обещал отправить начальнику гарнизона Порт-Артура предписание о необходимости дружеской встречи и оказания всяческого содействия Реунову, причем с указанием протестовать против входа в Порт-Артур судов иных держав [45, с. 76]. Чтобы предупредить возможное занятие англичанами бухты Даляньваня, туда также были отправлены крейсер и две канонерские лодки [46]. Китайские власти на местах оказывали российскому отряду всяческое содействие. Реунову бесплатно был передан запас угля. Английский консул в ответ на требование объяснить присутствие русских в Порт-Артуре получил от генерал-губернатора ответ, что они пришли для защиты интересов Китая [47].

К январю 1898 г. российские власти приняли решение о заключении с империей Цин соглашения относительно занятых китайских территорий. Согласно сообщению Муравьева в Пекин Павлову, цель вступления судов империи в Порт-Артур – защита цинских владений и, соответственно, обеспечение недоступности этого порта для морских сил других держав. Однако китайцы не препятствуют против самовольного захода британских кораблей, признавая, что бессильны сделать это, то есть Порт-Артур и Даляньвань становятся открытыми портами, что не соответствует как китайским, так и российским интересам. Муравьев сообщал о готовности защищать занятые территории, охранять неприкосновенность портов «впредь до той минуты, когда сами китайцы будут в состоянии отстаивать собственные интересы» [48, с. 85], и предлагал приступить к письменному

соглашению подобно такому, какое было заключено с Германией. В сообщении российского министра подчеркивалось: «При этом, однако, мы не намерены требовать ни столь продолжительного срока контракта, ни присвоения себе каких-либо верховных прав: мы по-прежнему будем пользоваться Порт-Артуром на правах дружеского гостеприимства, оказывая в случае надобности должную поддержку китайцам» [48, с. 85].

Процесс разработки условий российско-китайской конвенции занял более месяца. Российские власти установили 15 марта как окончательный срок согласования документа и заключения договора [49, с. 94]. Планировали, в случае затягивания решений китайской стороной, реализацию крайней меры – высадку десанта, формальное заявление китайскому генералу об очистке территории от войск, применение открытой силы и поднятие в портах флага Российской империи [50–52]. Одновременно решались вопросы о крупном денежном вознаграждении главных начальников, а также о возможном принятии на временное иждивение солдат и рабочих, которым китайское правительство могло прекратить выдачу содержания. Применять открытую силу не потребовалось: конвенция об аренде Порт-Артура и Даляньваня была подписана в запланированный день – (15) 27 марта 1898 г.

Заключение

Сравнение российско-китайской конвенции 1898 г. и германско-китайского договора 1898 г. показывает: хотя обе державы заключили соглашения об аренде территорий империи Цин, их условия не одинаковы. Значительно отличался срок аренды – 25 и 99 лет. В российско-китайском соглашении дважды повторялся пункт о сохранении верховных прав на владение арендованной территорией за Цинской империи, договор же об уступке Цзяо-Чжоу, напротив, предполагал передачу верховных прав на территорию Германии. Договоренности в российско-китайской конвенции по поводу железнодорожного строительства опирались на заключенный ранее союзный договор и расширяли сферу действия уже предоставленной концессии на КВЖД. Германия приобретала право на строительство железнодорожных линий впервые, и территориально они должны были охватить практически всю провинцию Шаньдун, выходя далеко за пределы арендованной территории. Практически, в договор об аренде были включенные элементы концессии.

Подобные отличия международных договоров, ставшими правовыми основаниями освоения китайских территорий, были обусловлены решениями российских и германских властей в отношении конкретных внешнеполитических задач. Хотя обе державы заняли владения империи Цин до заключения соответствующих соглашений о передаче территорий в аренду, они шли к законодательному оформлению взаимодействия арендодателя и арендатора разными путями. Германия осознанно ставила китайскому государству завышенные требования и постепенно подталкивала к необходимости заключения неравноправного договора. Хотя Российская империя также поставила Цинской империи конкретный срок подписания соглашения и была готова, в случае отказа, применить силу, российско-китайская конвенция не ограничивала права китайского государства как политического субъекта.

Список источников

1. Договор между Германией и Китаем об уступке Цзяо-чжоу. Пекин, 6 марта (22 февраля) 1898 г. // Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895–1905. СПб.: Мин-во иностранных дел., 1906. С. 325–330 (2-я паг.).
2. Vertrag zwischen Deutschland und China über die Abtretung von Kiaotschau. Peking, 6 März 1898 // Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. С. 325–330 (2-я паг.).
3. 1898 г., марта 15. Конвенция, заключенная между Россией и Китаем об аренде Порт-Артура и Дальнего // Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М., 1958. С. 78–80.
4. 1896 г. мая 22. Союзный договор между Россией и Китаем // Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М., 1958. С. 73–74.

5. Kent P.H. *Railway Enterprise in China. An account of its origin and development.* London: Edward Arnold, 1907. IX. 304 p.
6. Weiker H. *Kiautschou, das deutsche Schutzgebiet in Ostasien.* Berlin: Verlagsbuchhandlung Alfred Schall, 1908. 239 s.
7. Klamka M. *Die Überlassung von Kiautschou seitens Chinas an das Deutsche Reich.* Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Juristischen Fakultät der Universität zu Breslau. Borna-Leipzig: Buchdruckerei Robert Noske, 1909. IX. 56 s.
8. Steinmetz G. *The Devil's Handwriting. Precoloniality and the German Colonial State in Qindao, Samoa and Southwest Africa.* Chicago: University of Chicago Press, 2007. 608 p.
9. Orazio C. *German Imperialism in China: the leasehold of Kiaochow bay (1897–1914)* // *The Chinese historical review.* 2019. Vol. 26. Iss. 1. P. 156–174. DOI: <https://doi.org/10.1080/1547402X.2020.1750231>.
10. Aleš Skřivan Sr., Aleš Skřivan Jr. *British interests and the struggle of Russia and France for leases and spheres of influence in China (1897–1898)* // *West Bohemian historical review.* 2021. Vol. XI. Iss. 2. P. 147–165.
11. Друзяка А.В. *Квантунская область и полоса отчуждения КВЖД: «русские колонии» или «арендованные территории»? // Россия и АТР.* 2021. № 3. С. 94–105.
12. Казанцев В.П., Салогуб Я.Л. *Занятие Порт-Артура и первые мероприятия российской власти на Квантунском полуострове 1898–1899 гг. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.* 2011. № 132. С. 39–49.
13. Aldrich R. *Commemorating Colonialism in a Post-Colonial World* // *E-Rea. Histoires de l'oubli=Histories of forgetting.* 2012. № 10.1. URL: <https://journals.openedition.org/erea/2803> (дата обращения: 19.05.2023). DOI: <https://doi.org/10.4000/erea.2803>.
14. Мартенс Ф. *Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т.; 4-е изд.* СПб.: Типография А. Бенке, 1898. Т. 1. XXV. 434 с.
15. *Cyprus convention (1878)* // *Wikisource.* URL: https://en.wikisource.org/wiki/Cyprus_convention (дата обращения: 19.05.2023).
16. *Convention Between the German empire and China respecting the Lease of Kiao-Chau* // *Treaties and Conventions with or Concerning China and Korea, 1894–1904, together with various State papers and documents affecting foreign interests.* Washington, 1904. P. 45–49.
17. Гримм Э.Д. *Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925).* М.: Изд. ин-та востоковедения, 1927.
18. *Депеша поверенного в делах в Берлине Чарыкова министру иностранных дел кн. Лобанову-Ростовскому, 25 августа 1895 г., № 66* // *Красный архив: исторический журнал.* Т. 2 (87). М., 1938. С. 28.
19. *Телеграмма Вильгельма II имперскому канцлеру Гогенлоэ, 19 (31) августа 1895 г.* // *Красный архив: исторический журнал.* Т. 2 (87). М., 1938. С. 26–27.
20. *Из депешы посланника в Пекине Кассини министру иностранных дел Лобанову-Ростовскому, 28 августа 1896 г., № 38* // *Красный архив: исторический журнал.* Т. 2 (87). М., 1938. С. 28–29.
21. *Депеша поверенного в делах в Пекине Павлова министру иностранных дел Муравьеву, (6) 18 марта 1897 г., № 8* // *Красный архив: исторический журнал.* Т. 2 (87). М., 1938. С. 29–33.
22. *Neues Palais, den 6. November 1897. Kaiser Wilhelm II an das Auswärtige Amt* // *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871–1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes.* Bd. 14: *Weltpolitische Rivalitäten. Erste Hälfte.* Berlin, 1924. S. 67.
23. *Записка германского посольства в Петербурге, (4) 16 сентября 1897 г.* // *Красный архив: исторический журнал.* Т. 2 (87). М., 1938. С. 34.
24. *Berlin, den 6. November 1897. Der Reichkanzler Fürst von Hohenlohe an Kaiser Wilhelm II* // *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette.* S. 68.
25. *Neues Palais, den 7. November 1897. Kaiser Wilhelm II an den Reichkanzler Fürsten von Hohenlohe* // *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette.* S. 69.
26. *Телеграмма министра иностранных дел Муравьева поверенному в делах в Берлине Палену, (27 октября) 8 ноября 1897 г.* // *Красный архив: исторический журнал.* Т. 2 (87). М., 1938. С. 38–39.

27. Телеграмма министра иностранных дел Муравьева поверенному в делах в Берлине г. Палену, (28 октября) 1897 г. // Красный архив: исторический журнал. Т. 2 (87). М., 1938. С. 39–40.
28. Телеграмма министра иностранных дел Муравьева послу в Берлине Остен-Сакену, (1 ноября) 13 ноября 1897 г. // Красный архив: исторический журнал. Т. 2 (87). М., 1938. С. 41.
29. Телеграмма министра иностранных дел Муравьева послу в Берлине Остен-Сакену, (4) 16 ноября 1897 г. // Красный архив: исторический журнал. Т. 2 (87). М., 1938. С. 45–46.
30. Телеграмма поверенного в делах в Пекине Павлова министру иностранных дел гр. Муравьеву, (4) 16 ноября 1897 г. // Красный архив: исторический журнал. Т. 2 (87). М., 1938. С. 46.
31. Berlin, den 15. November 1897. Aufzeichnung vom 15. November 1897 // Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. S. 85–86.
32. Телеграмма поверенного в делах в Пекине Павлова министру иностранных дел Муравьеву, (9) 21 ноября 1897 г. // Красный архив: исторический журнал. Т. 2 (87). М., 1938. С. 48–49.
33. Peking, den 21. November 1897. Der Gesandte in Peking Freiherr von Heyking an das Auswärtige Amt // Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. S. 98–99.
34. Berlin, den 21. November 1897. Der Reichkanzler Fürst von Hohenlohe an Kaiser Wilhelm II // Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. S. 99–100.
35. Peking, den 22. November 1897. Der Gesandte in Peking Freiherr von Heyking an das Auswärtige Amt // Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. S. 102.
36. Peking, den 4. Dezember 1897. Der Gesandte in Peking Freiherr von Heyking an das Auswärtige Amt // Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. S. 110–111.
37. Berlin, den 12. Dezember 1897. Der Staatssekretär des Auswärtigen Amtes Bernhard von Bülow an den Gesandten in Peking Freiherrn von Heyking // Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. S. 115.
38. Saint-Petersburg, den 1. Dezember 1897. Der Geschäftsträger in Petersburg von Tschirschky an das Auswärtige Amt // Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. S. 106.
39. Всеподданнейшая записка министра иностранных дел графа М.Н. Муравьева о политике России на Дальнем Востоке, С.-Петербург, 11/23 ноября 1897 г. // Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи: сб. документов. М.; СПб.: ЦГИ-Принт, 2018. С. 60–64.
40. Записка Витте о совещании 15/27 ноября 1897 г. // Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи: сб. документов. М.; СПб.: ЦГИ-Принт, 2018. С. 68–71.
41. Из телеграммы Ф.В. Дубасова, А.Н. Шпейеру, Нагасаки, 20 ноября/23 декабря 1897 г. // Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи: сб. документов. М.; СПб.: ЦГИ-Принт, 2018. С. 71.
42. Телеграмма поверенного в делах в Пекине Павлова министру иностранных дел Муравьеву, (27 ноября) 9 декабря 1897 г. // Красный архив: исторический журнал. Т. 2 (87). М., 1938. С. 58.
43. Телеграмма графа Муравьева Павлову в Пекин, С.-Петербург, 29 ноября/11 декабря 1897 г. // Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи: сб. документов. М.; СПб.: ЦГИ-Принт, 2018. С. 72.
44. Из телеграммы Дубасова Реунову, Нагасаки, 30 ноября/12 декабря 1897 г. // Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи: сб. документов. М.; СПб.: ЦГИ-Принт, 2018. С. 73.
45. Телеграмма Павлова графу Муравьеву, Пекин, 2/14 декабря 1897 г. // Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи: сб. документов. М.; СПб.: ЦГИ-Принт, 2018. С. 76–77.
46. Телеграмма Дубасова П.П. Тыртову, Нагасаки, 5/17 декабря 1897 г. // Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи: сб. документов. М.; СПб.: ЦГИ-Принт, 2018. С. 78–79.
47. Телеграмма Павлова графу Муравьеву, Пекин, 30 ноября/12 декабря 1897 г. // Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи: сб. документов. М.; СПб.: ЦГИ-Принт, 2018. С. 80–81.

48. Телеграмма графа Муравьева Павлову в Пекин, Санкт-Петербург, 8/20 января 1898 г. // Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи: сб. документов. М.; СПб.: ЦГИ-Принт, 2018. С. 85–86.
49. Телеграмма Павлова графу Ламздорфу, Пекин, 20 февраля/7 марта 1898 г. // Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи: сб. документов. М.; СПб.: ЦГИ-Принт, 2018. С. 93–94.
50. Телеграмма Павлова Дубасову в Порт-Артур, Пекин, 4/16 марта 1898 г. // Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи: сб. документов. М.; СПб.: ЦГИ-Принт, 2018. С. 110–111.
51. Из телеграммы Дубасова Павлову в Пекин, Порт-Артур, 5/17 марта 1898 г. // Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи: сб. документов. М.; СПб.: ЦГИ-Принт, 2018. С. 111.
52. Из телеграммы Дубасова Павлову в Пекин, Порт-Артур, 10/22 марта 1898 г. // Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи: сб. документов. М.; СПб.: ЦГИ-Принт, 2018. С. 113.

References

1. Dogovor mezhdu Germaniej i Kitaem ob ustupke Czyao-chzhou. Pekin, 6 marta (22 fevralya) 1898 g. // Sbornik dogovorov i diplomatskih dokumentov po delam Dal'nyago Vostoka. 1895–1905. SPb.: Min-vo inostrannyh del., 1906. S. 325–330 (2-ya pag.).
2. Vertrag zwischen Deutschland und China über die Abtretung von Kiautschau. Peking, 6 März 1898 // Sbornik dogovorov i diplomatskih dokumentov po delam Dal'nyago Vostoka. S. 325–330 (2-ya pag.).
3. 1898 g., marta 15. Konvenciya, zaklyuchennaya mezhdu Rossiej i Kitaem ob arende Port-Artura i Dal'nego // Russko-kitajskie otnosheniya 1689–1916. Oficial'nye dokumenty. M., 1958. S. 78–80.
4. 1896 g. maya 22. Soyuznyj dogovor mezhdu Rossiej i Kitaem // Russko-kitajskie otnosheniya 1689–1916. Oficial'nye dokumenty. M., 1958. S. 73–74.
5. Kent P.H. Railway Enterprise in China. An account of its origin and development. London: Edward Arnold, 1907. IX. 304 p.
6. Weiker H. Kiautschou, das deutsche Schutzgebiet in Ostasien. Berlin: Verlagsbuchhandlung Alfred Schall, 1908. 239 s.
7. Klamka M. Die Überlassung von Kiautschou seitens Chinas an das Deutsche Reich. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Juristischen Fakultät der Universität zu Breslau. Borna-Leipzig: Buchdruckerei Robert Noske, 1909. IX. 56 s.
8. Steinmetz G. The Devil's Handwriting. Precoloniality and the German Colonial State in Qindao, Samoa and Southwest Africa. Chicago: University of Chicago Press, 2007. 608 p.
9. Orazio C. German Imperialism in China: the leasehold of Kiaochow bay (1897–1914) // The Chinese historical review. 2019. Vol. 26. Iss. 1. P. 156–174. DOI: <https://doi.org/10.1080/1547402X.2020.1750231>.
10. Aleš Skřivan Sr., Aleš Skřivan Jr. British interests and the struggle of Russia and France for leases and spheres of influence in China (1897–1898) // West Bohemian historical review. 2021. Vol. XI. Iss. 2. P. 147–165.
11. Druzyaka A.V. Kvantunskaya oblast' i polosa otchuzhdeniya KVZHD: «russkie kolonii» ili «arendovannye territorii»? // Rossiya i ATR. 2021. № 3. S. 94–105.
12. Kazancev V.P., Salogub Ya.L. Zanyatie Port-Artura i pervye meropriyatiya rossijskoj vlasti na Kvantunskom poluostrove 1898–1899 gg. // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2011. № 132. S. 39–49.
13. Aldrich R. Commemorating Colonialism in a Post-Colonial World // E-Rea. Histoires de l'oubli=Histories of forgetting. 2012. № 10.1. URL: <https://journals.openedition.org/erea/2803> (data obrashcheniya: 19.05.2023). DOI: <https://doi.org/10.4000/erea.2803>.
14. Martens F. Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo civilizovannyh narodov: v 2 t.; 4-e izd. SPb.: Tipografiya A. Benke, 1898. T. 1. XXV. 434 s.
15. Cyprus convention (1878) // Wikisource. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Cyprus_convention (data obrashcheniya: 19.05.2023).

16. Convention Between the German empire and China respecting the Lease of Kiao-Chau // *Treaties and Conventions with or Concerning China and Korea, 1894–1904, together with various State papers and documents affecting foreign interests.* Washington, 1904. P. 45–49.
17. Grimm E.D. *Sbornik dogovorov i drugih dokumentov po istorii mezhdunarodnyh otnoshenij na Dal'nem Vostoke (1842–1925).* M.: Izd. in-ta vostokovedeniya, 1927.
18. Depesha poverennogo v delah v Berline Charykova ministru inostrannyh del kn. Lobanovu-Rostovskomu, 25 avgusta 1895 g., № 66 // *Krasnyj arhiv: istoricheskij zhurnal.* T. 2 (87). M., 1938. S. 28.
19. Telegramma Vil'gel'ma II imperskomu kancleru Gogenloe, 19 (31) avgusta 1895 g. // *Krasnyj arhiv: istoricheskij zhurnal.* T. 2 (87). M., 1938. S. 26–27.
20. Iz depeshi poslannika v Pekine Kassini ministru inostrannyh del Lobanovu-Rostovskomu, 28 avgusta 1896 g., № 38 // *Krasnyj arhiv: istoricheskij zhurnal.* T. 2 (87). M., 1938. S. 28–29.
21. Depesha poverennogo v delah v Pekine Pavlova ministru inostrannyh del Murav'evu, (6) 18 marta 1897 g., № 8 // *Krasnyj arhiv: istoricheskij zhurnal.* T. 2 (87). M., 1938. S. 29–33.
22. Neues Palais, den 6. November 1897. Kaiser Wilhelm II an das Auswärtige Amt // *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871–1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes.* Bd. 14: *Weltpolitische Rivalitäten. Erste Hälfte.* Berlin, 1924. S. 67.
23. Zapiska germanskogo posol'stva v Peterburge, (4) 16 sentyabrya 1897 g. // *Krasnyj arhiv: istoricheskij zhurnal.* T. 2 (87). M., 1938. S. 34.
24. Berlin, den 6. November 1897. Der Reichkanzler Fürst von Hohenlohe an Kaiser Wilhelm II // *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette.* S. 68.
25. Neues Palais, den 7. November 1897. Kaiser Wilhelm II an den Reichkanzler Fürsten von Hohenlohe // *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette.* S. 69.
26. Telegramma ministra inostrannyh del Murav'eva poverennomu v delah v Berline Palenu, (27 oktyabrya) 8 noyabrya 1897 g. // *Krasnyj arhiv: istoricheskij zhurnal.* T. 2 (87). M., 1938. S. 38–39.
27. Telegramma ministra inostrannyh del Murav'eva poverennomu v delah v Berline g. Palenu, (28 oktyabrya) 1897 g. // *Krasnyj arhiv: istoricheskij zhurnal.* T. 2 (87). M., 1938. S. 39–40.
28. Telegramma ministra inostrannyh del Murav'eva poslu v Berline Osten-Sakenu, (1 noyabrya) 13 noyabrya 1897 g. // *Krasnyj arhiv: istoricheskij zhurnal.* T. 2 (87). M., 1938. S. 41.
29. Telegramma ministra inostrannyh del Murav'eva poslu v Berline Osten-Sakenu, (4) 16 noyabrya 1897 g. // *Krasnyj arhiv: istoricheskij zhurnal.* T. 2 (87). M., 1938. S. 45–46.
30. Telegramma poverennogo v delah v Pekine Pavlova ministru inostrannyh del gr. Murav'evu, (4) 16 noyabrya 1897 g. // *Krasnyj arhiv: istoricheskij zhurnal.* T. 2 (87). M., 1938. S. 46.
31. Berlin, den 15. November 1897. Aufzeichnung vom 15. November 1897 // *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette.* S. 85–86.
32. Telegramma poverennogo v delah v Pekine Pavlova ministru inostrannyh del Murav'evu, (9) 21 noyabrya 1897 g. // *Krasnyj arhiv: istoricheskij zhurnal.* T. 2 (87). M., 1938. S. 48–49.
33. Peking, den 21. November 1897. Der Gesandte in Peking Freiherr von Heyking an das Auswärtige Amt // *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette.* S. 98–99.
34. Berlin, den 21. November 1897. Der Reichkanzler Fürst von Hohenlohe an Kaiser Wilhelm II // *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette.* S. 99–100.
35. Peking, den 22. November 1897. Der Gesandte in Peking Freiherr von Heyking an das Auswärtige Amt // *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette.* S. 102.
36. Peking, den 4. Dezember 1897. Der Gesandte in Peking Freiherr von Heyking an das Auswärtige Amt // *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette.* S. 110–111.
37. Berlin, den 12. Dezember 1897. Der Staatssekretär des Auswärtigen Amtes Bernhard von Bülow an den Gesandten in Peking Freiherrn von Heyking // *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette.* S. 115.
38. Saint-Petersburg, den 1. Dezember 1897. Der Geschäftsträger in Petersburg von Tschirschky an das Auswärtige Amt // *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette.* S. 106.
39. Vsepoddannejshaya zapiska ministra inostrannyh del grafa M.N. Murav'eva o politike Rossii na Dal'nem Vostoke, S.-Peterburg, 11/23 noyabrya 1897 g. // *Port-Artur i Dal'nij, 1894–1904 gg.: poslednij kolonial'nyj proekt Rossijskoj imperii: sb. dokumentov.* M.; SPb.: CGI-Print, 2018. S. 60–64.

40. Zapiska Vitte o soveshchani 15/27 noyabrya 1897 g. // Port-Artur i Dal'nij, 1894–1904 gg.: poslednij kolonial'nyj proekt Rossijskoj imperii: sb. dokumentov. M.; SPb.: CGI-Print, 2018. S. 68–71.
41. Iz telegrammy F.V. Dubasova, A.N. Shpejeru, Nagasaki, 20 noyabrya/23 dekabrya 1897 g. // Port-Artur i Dal'nij, 1894–1904 gg.: poslednij kolonial'nyj proekt Rossijskoj imperii: sb. dokumentov. M.; SPb.: CGI-Print, 2018. S. 71.
42. Telegramma poverennogo v delah v Pekine Pavlova ministru inostrannyh del Murav'evu, (27 noyabrya) 9 dekabrya 1897 g. // Krasnyj arhiv: istoricheskij zhurnal. T. 2 (87). M., 1938. S. 58.
43. Telegramma grafa Murav'eva Pavlovu v Pekin, S.-Peterburg, 29 noyabrya/11 dekabrya 1897 g. // Port-Artur i Dal'nij, 1894–1904 gg.: poslednij kolonial'nyj proekt Rossijskoj imperii: sb. dokumentov. M.; SPb.: CGI-Print, 2018. S. 72.
44. Iz telegrammy Dubasova Reunovu, Nagasaki, 30 noyabrya/12 dekabrya 1897 g. // Port-Artur i Dal'nij, 1894–1904 gg.: poslednij kolonial'nyj proekt Rossijskoj imperii: sb. dokumentov. M.; SPb.: CGI-Print, 2018. S. 73.
45. Telegramma Pavlova grafu Murav'evu, Pekin, 2/14 dekabrya 1897 g. // Port-Artur i Dal'nij, 1894–1904 gg.: poslednij kolonial'nyj proekt Rossijskoj imperii: sb. dokumentov. M.; SPb.: CGI-Print, 2018. S. 76–77.
46. Telegramma Dubasova P.P. Tyrtovu, Nagasaki, 5/17 dekabrya 1897 g. // Port-Artur i Dal'nij, 1894–1904 gg.: poslednij kolonial'nyj proekt Rossijskoj imperii: sb. dokumentov. M.; SPb.: CGI-Print, 2018. S. 78–79.
47. Telegramma Pavlova grafu Murav'evu, Pekin, 30 noyabrya/12 dekabrya 1897 g. // Port-Artur i Dal'nij, 1894–1904 gg.: poslednij kolonial'nyj proekt Rossijskoj imperii: sb. dokumentov. M.; SPb.: CGI-Print, 2018. S. 80–81.
48. Telegramma grafa Murav'eva Pavlovu v Pekin, Sankt-Peterburg, 8/20 yanvarya 1898 g. // Port-Artur i Dal'nij, 1894–1904 gg.: poslednij kolonial'nyj proekt Rossijskoj imperii: sb. dokumentov. M.; SPb.: CGI-Print, 2018. S. 85–86.
49. Telegramma Pavlova grafu Lamz Dorf, Pekin, 20 fevralya/7 marta 1898 g. // Port-Artur i Dal'nij, 1894–1904 gg.: poslednij kolonial'nyj proekt Rossijskoj imperii: sb. dokumentov. M.; SPb.: CGI-Print, 2018. S. 93–94.
50. Telegramma Pavlova Dubasovu v Port-Artur, Pekin, 4/16 marta 1898 g. // Port-Artur i Dal'nij, 1894–1904 gg.: poslednij kolonial'nyj proekt Rossijskoj imperii: sb. dokumentov. M.; SPb.: CGI-Print, 2018. S. 110–111.
51. Iz telegrammy Dubasova Pavlovu v Pekin, Port-Artur, 5/17 marta 1898 g. // Port-Artur i Dal'nij, 1894–1904 gg.: poslednij kolonial'nyj proekt Rossijskoj imperii: sb. dokumentov. M.; SPb.: CGI-Print, 2018. S. 111.
52. Iz telegrammy Dubasova Pavlovu v Pekin, Port-Artur, 10/22 marta 1898 g. // Port-Artur i Dal'nij, 1894–1904 gg.: poslednij kolonial'nyj proekt Rossijskoj imperii: sb. dokumentov. M.; SPb.: CGI-Print, 2018. S. 113.

Информация о статье: статья поступила в редакцию: 21.09.2023; принята к публикации: 02.12.2023
Information about the article: the article was received by the editorial office: 21.09.2023;
accepted for publication: 02.12.2023

Информация об авторах

Кузнецова Наталья Валерьевна, магистрант Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета (129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4), кандидат филологических наук, e-mail: nwkusnetsova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0116-4512>, SPIN-код: 8451-3978

Information about the authors:

Kuznetsova Natalia V., master's student of the Institute of humanities of the Moscow city pedagogical university (129226, Moscow, 2-nd Agricultural passage, 4), candidate of philological sciences, e-mail: nwkusnetsova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0116-4512>, SPIN: 8451-3978